

Точкой отсчёта времени, когда ты помнишь себя в этой жизни, ощущаешь мир вокруг себя, я беру те моменты, которые сопровождают всю жизнь. И больше всего это — зима, свежий снег под полозьями санок, на которых лежу, в одеяле укутанная, или восседаю, а кто-то из взрослых меня катит. Это мой дядя Миша, мамин брат, или младшая её сестра Зоя. Потом я сама каталась на этих саночках или на других, сваренных руками дяди Миши. Он работал сварщиком. Ему было чуть больше двадцати, младше мамы на пять лет. Дядя Миша часто брал меня в гости к друзьям, даже в гости к своей будущей жене Пане, когда жили в посёлке Кузьмиха, или, иначе, на ГЭСе. В детский сад я никогда не ходила. Воспитывали все понемногу: мама, бабушка, отец, дядя Миша и две тётки: тётка Тоня и тётка Зоя, которую я звала просто Зоя. Она на одиннадцать лет старше меня. Я помню её учебники физики с картинками, где были водолазы, пароходы и что-то ещё необычное. После школы Зоя работала проводником на поездах дальнего следования. Она была весёлой и доброй. Волосы её были натурально белые, густые и пышные, глаза голубые. В форме проводницы она выглядела как стюардесса или героиня кино.

Я помню, как на больших металлических санях возили зимой воду из колонки с дядей Мишей или с Зоей, когда ещё жили, как мама говорила, в юртах, недалеко от строящегося молодого сибирского города Ангарска. Он в сорока километрах от Иркутска. С нами рядом жила тётка Тоня, сестра мамы, на два года её старше, — Антонина Игнатьевна Грязнова. Она была мне как вторая мать. Не зря мама тётю Тоню называла с иронией «сестрой милосердия», за то что она старалась помочь, посочувствовать тому, кто в этом нуждался. Может быть, это и толкнуло её в голодное

военное время, спасая младших брата, двух сестёр, а также мать, да и себя тоже, от полного истощения, совершить проступок очень серьёзный. Она работала чабаном, пасла колхозных овец; мама в это время в четырнадцать лет работала на лесосплаве, лесозаготовке, полуголодная, плохо одетая. Трудодни ставили, а на оплату за них еле выживешь, если получишь что.

Тоня решила, что одного ягнёнка из отары сразу не заметят. Ей было лет семнадцать. Тогда было очень строго. За пирожок могли посадить. И её судили и посадили. В лагере для заключённых она отсидела два года, не полный срок. Тяжело заболела, всю жизнь потом мучил кашель. Дарья Ивановна лечила дочь как могла. Когда ей было уже под тридцать лет, её отзывчивый характер и обаятельная внешность привлекли внимание вдовца-соседа с тремя детьми, с которыми я часто играла. Тимофей Рожков взял тётю Тоню замуж. Он знал, что у неё проблемы со здоровьем, но оказался прекрасным мужем, отцом и дедом. Тётя Тоня родила дочь и сына и воспитала всех пятерых детей, не делила на своих и чужих. Тимофей отправлял жену лечиться в санатории и на курорты... Умерла она в семьдесят два года. Тимофей Рожков продлил её жизнь заботой и вниманием, умер раньше её, был старше на десять лет.

Помню, мне около четыре лет. Мама пришла домой с ребёночком; интересно мне было то, что в новом голубом одеяле в горошек. Это был мой брат Коля, 1954 года рождения. Встретил маму из роддома брат её, дядя Миша. Ей запомнилось как праздник. Отец работал

С братом Колей. Шелехов, 1963 год

Отец. Фото военных лет

Александр Андреевич Небудчиков. Мать его, Анастасия Ивановна Небудчикова, всю войну молилась за сыновей, но старшего сына не дождалась. Он пропал без вести. У него остались жена Елена, сын Лёня и дочь Груня. Это Константин Иванович Кустов, сын от первого брака Анастасии Ивановны. Муж, Кустов Иван, умер, она осталась с двумя детьми: дочерью Дусей и сыном Костей. Я на старой фотографии рассматриваю мою бабушку. Она меня не успела увидеть. Я родилась, когда её уже не стало. Отец мой был с ней рядом до конца и похоронил. У неё был рак пищевода. Говорили, что любила пить чай со старухами, приглашала часто в гости, обожгла пищевод. Она умерла в шестьдесят два года.

Моя бабушка Даша на фотографии времён войны, 1941 – 1942 годов, с малолетними Зоей и Мишей, в возрасте сорока двух лет. Она, 1900 года рождения, выглядела старше семидесятилетней — всё лицо испещрено морщинами.

шофёром, колесил по городам и сёлам, Потом из-за контузии получил первую группу инвалидности и стал работать столяром, плотником, много чего сделал из мебели своими руками для дома, огородничал, Часто бывал в тайге.

Отец с 1941 до 1945 года воевал, старшим сержантом дошёл до Кёнигсберга и после этого служил ещё три года в кадровой армии. Я гордилась отцом и его грузовиком «Захаром». На таком грузовике он колесил и по дорогам войны. У отца был на груди орден Красной Звезды. Звали его

Что делала война с нашими женщинами, да и с мужчинами тоже, не говоря о детях, на которых страшно смотреть, как они истощены. Зоя родилась, когда бабушка Дарья вышла замуж за Бахтынова Александра перед войной, в 1939 году. Она надеялась, как люди подсказывали, что он будет, как покойный муж Игнатий, хозяином и поможет поднять детей. Но он оказался полной противоположностью. Александр больше был занят общественной работой, помощи было мало, в хозяйстве тоже, хотя человек был неплохой.

Зоя, его дочь, матери стала до конца опорой, а мать — для неё. Пенсии у бабушки не было, только по потере кормильца, сына, пополам с его дочкой. Зоя, её муж Гена и дети Оля и Алёша были рядом с бабушкой. Она водилась уже с третьей парой внуков от трёх дочерей, по очереди. Все выросли здоровыми, достойными людьми. Скончалась Дарья Ивановна в семьдесят девять лет, пережив все невзгоды, потерю детей — двух ещё во младенчестве и двух детей взрослых, молодых совсем, и мужа.

Я вспоминаю, что мама не переставала говорить о своих отце и брате до конца своих дней, до 2005 года. Похоронена она в Красноярске. Прожила семьдесят восемь лет. В своём сыне Николае всегда видела черты своего любимого брата — в улыбке, во взгляде больших голубых глаз. Но рост моего брата, как и у меня, в деда по отцу. У него под метр девяносто, характером в отца. Мой брат до перестройки работал прокурором в районных прокуратурах, а потом в Иркутской прокуратуре. После стал возглавлять юридическую контору в городе Шелехове. Сейчас на пенсии.

Дядя Миша, мамин брат, окончил ремесленное училище после войны, отслужил в армии. Детство досталось, как и многим его ровесникам, нелёгким. Война началась, ему было девять лет. Но он был уже помощником матери.

Его отец, Игнатий Александрович Грязнов, мой дед по матери, скорпостижно скончался в сорок пять лет в тридцать третьем году. Тогда была продразвёрстка. Он сдал всё, как полагалось. Хозяин был хороший. Такая же его супруга — моя бабушка Дарья Ивановна Грязнова, Смолянинова

была в девичестве. Но кто-то из властей старался больше, чем надо, из народа выжать, до последнего почти. Отец семейства, участник войны с Германией. Он даже с Крупской Надеждой Константиновной в одной тюрьме сидел как политический. Когда его семью оставили без запасов пропитания, вынужден был срочно решать вопрос, как уберечь её от голода. Вернувшись, слёг — ноги стали болеть, и он вскоре умер. А был в самом расцвете сил. Когда-то на лошади увозил на продажу свой товар, привозил обновки. В амбарах и погребях и в доме всего хватало. Маме было шесть лет, и она хорошо помнила, как жили с отцом. Игнатий умел обувь шить, и скот держал, и на земле работал.

Дарье было очень тяжело с четырьмя детьми. После смерти мужа ей пришлось бросить дом на долгое время, уехать с детьми, чтобы не лишиться последних запасов. Прокормить детей тогда будет нечем совсем. Жили на квартире в соседней деревне.

У Дарьи были золотые руки, как и у её покойного мужа. Она умела ткать, шить, хорошо готовить. До замужества, до восемнадцати лет, работала в богатых семьях кухаркой. Умела делать хорошую выпечку, заготовки на зиму и даже

принимать роды и лечить как народный целитель.

Далеко ходить не надо за примером. Мы жили в городе Шелехове, бабушка из города Ангарска приехала погостить. Мне повезло, что она была рядом. В шестнадцать лет я каталась на коньках на катке и упала головой об лёд. Пришла домой, голова

Бабушка Дарья Ивановна Грязнова

разламывается от боли. Бабушка, не раздумывая, взяла верёвочку, измерила голову, что-то прикинула и начала руками мой череп править, как она говорила. И вскоре помогло.

А самое главное в моей жизни то, что моя бабушка под Новый 1951 год, на первое января, принимала роды у моей мамы, когда пришла пора мне появиться на свет, в деревне Шивера Балаганского района Иркутской области. Теперь это место затоплено, построили ГЭС на Ангаре, нет деревень, районов, моей малой родины.

Роды были трудными, но бабушка справилась, всё сделала как надо, у тёплой печки перепеленала меня и дала мне имя Ольга. Она говорила мне потом, что хотела, чтобы звучало — Ольга Александровна. И моего брата после назвала соответственно Колей, тоже созвучно: Оля и Коля.

Не знаю почему, люблю красный цвет. Особенно если светится как фонарь у машин сзади. Может быть, огоньки печки сопровождают меня по жизни, а может, ёлочные украшения блестящие ярко-красные запомнились в первые дни жизни. Хотя было ещё не то время не до ярких ёлочных шаров. В 1951 году ещё были живы Сталин, Берия...

Когда моя бабушка в 1933 году с детьми жила у чужих людей в другой деревне, спасая скудные запасы для детей, Миша, двухлетний бегучий малыш, в чужом доме перестал ходить, как мама говорила — «обезножел». Потом всё к нему вернулось. Так строго мать держала детей, чтоб не оказаться на улице. Моя мама всю жизнь это вспоминала.

Но Миша, когда подросток, пережив все невзгоды, был, как отец, старательный, помощник в тяжёлое военное время. Он бегал в девять лет собирать колоски, Это многим помогало выжить — могли сварить кашу из зёрен пшеницы или ржи. Колоски оставались после уборки урожая на колхозных полях, но за это могли тоже наказать. В годы войны выживали как могли. Не зря появилось понятие статуса «дети войны». Справедливо присваивается звание «Труженик тыла» тому, кто работал на Победу.

Старшая дочь Дарьи, Лукерья Игнатьевна Грязнова, в двадцатилетнем возрасте работала на слюдяной фабрике

**Мама Татьяна Игнатьевна
Небудчикова. 1963 год**

в Иркутске. Чтобы было легче матери, взяла к себе мою маму в город Иркутск. Там мама училась с первого по четвёртый класс. Звали маму Татьяна Игнатьевна Грязнова. Сестру Лукерью Игнатьевну мама и другие звали просто Кея. Она водила маму в кино, в баню, где покупала сестре газированную воду с сиропом, которую все, кто тогда жил, ещё помнят. Там же, в центральной бане, можно было купить и новые чулки, и мыло, и расчёску, и прочее... Это для мамы было как праздник в сравнении с жизнью в деревне.

Мама ходила в Дом пионеров и вспоминает жизнь в Иркутске как самое светлое время. Сестра создавала ей все условия, занималась её воспитанием.

Но война помешала. Трудно стало в городе с пропитанием, хуже, чем в деревне. Работа тяжёлая. Лукерья заболела, пришлось отправить мою маму в деревню. И вскоре Лукерья умерла, но всё, что успела дать маме, достанется и нам. Сама она так и не успела выйти замуж, родить детей. Война, можно сказать, стубила её в цвете лет.

Как мама рассказывала, когда сестра заболела, её чуть не судили за уклонение от работы. Жизнь человека тогда подвергалась и в тылу тяжёлым испытаниям.

Лукерья успела в самый ответственный момент становления личности мамы привить ей необходимые навыки, воспитать своим примером в отношении к жизни, к людям. Это передалось последующим поколениям — мне, брату и нашим детям.

А всё шло от моей бабушки Даши и от её мужа, которого напоминал его сын Миша. Он хорошо играл на баяне, хорошо пел, хотя нигде этому специально не учился, в рядах Советской Армии только, от сослуживцев. Вся округа собиралась на крыльце нашего барака в посёлке ГЭС около Иркутска. Я помню, как он по журналу «Огонёк» разучивал новую песню «Подмосковные вечера». Она только что появилась в 1957 году. Мне было шесть лет, я ещё собиралась в школу, но под впечатлением игры и пения дяди Миши взяла журнал и сама, по слогам читая, выучила слова этой песни. Петь не умела, но слушала с замиранием сердца по радио передачи «Концерты по заявкам» и «Эстрадные песни».

Дядя Миша, когда, здоровье пошатнулось, работал не сварщиком, а киномехаником в клубе «Воронеж» в посёлке Шелехово, куда нас перевёз отец. Я ходила смотреть кино и получала угощения и плёнки от дяди Миши. Он всегда был рад меня встретить.

Как теперь смотрю, дядя Миша — того поколения, что был Юрия Алексеевич Гагарин. Тоже русский парень, открытого сердца. Таких было тогда много. Но и сейчас они среди нас, стоят крепко, несмотря на возраст, и мыслят глобально и просто. Это дети войны.

Дядя Миша был среднего роста, светловолосый, с большими голубыми глазами, как у мамы и сестры Кеи. Он умер в двадцать семь лет. Остались жена Пана и дочка Люда лет двух. Болезнь сердца и печени, как я успела уловить из разговоров с детства.

Когда скорая уже не могла помочь на месте и дядю Мишу понесли на носилках в машину скорой помощи, он сказал: «Ставьте, ставьте меня скорее!» — и скончался. Так рассказали нам, когда мы с мамой прибежали из школы, где я училась в первом классе. Была осень. Мама работала там техничкой, мыла полы и топила печи. Когда я увидела дядю Мишу на полу мёртвым, забилась лицом в угол в коридоре барака и рыдала. Никто не обращал на меня внимания, не мешал выплакаться, и не до меня

**Дядя Михаил Игнатьевич
Грязнов с дочкой Людмилой**

было. Когда дядя Миша лежал уже в костюме на кровати, я сидела, молча прощаясь с ним один на один. Бабушка попросила посидеть. Дядя Миша снился мне живым после его смерти очень часто. Я во сне умоляла его идти полечиться. Похоронная музыка останется надолго в детской памяти. Но дольше, на всю жизнь, — песни «Если б гармошка умела всё говорить, не тая...» и, конечно, «Подмосковные вечера» и все песни того времени.

Отец мой тоже играл на гармошке. Он на фронте немного научился и не расставался с ней, пока были силы. Всё время звучали его голос и гармошка... Я храню как реликвию гармошку и все награды отца. Много чего было утеряно, как он говорил, много и осталось из наград... Отец ещё плясал впрысядку в молодости. Что-то в нём было цыганское: чёрные кудри, вольнолюбивая душа, красивый голос, тембр необычный. Он, с тремя классами образования, писал стихи после войны. Их читал племянник Коля, сын старшей сестры Дуси, в клубе в деревне Малышовка Иркутской области.

Смерть дяди Миши стала страшным горем для меня с детства, как когда-то смерть отца в детстве мамы. Но смерть брата для неё будет ещё одним ударом судьбы. О брате мама вспоминала до конца дней, до семидесяти восьми лет, как об очень светлом человеке. Говорила: «Какой же Миша был тёплый и заботливый человек! Таких мало бывает». Я поддерживала её в этом, знала его не понаслышке.

Когда дядя Миша работал сварщиком на Иркутской ГЭС, за хорошую работу его наградили ценным подарком, тем более по тем временам, в 1957 году, — целой этажеркой из трёх-четырёх полок массивных книг, в кожаных переплётах, посвящённых писателям, поэтам, сборники стихов и романы были тоже. Их читала моя мама. Среди книг я отыскала в одиннадцать лет сборник стихов Фета и биографию Лермонтова. Это и стало моей отправной точкой, Я уже пробовала писать стихи. В четырнадцать лет стала печататься в городской газете «Рассвет коммунизма». С семнадцати лет до двадцати одного года ходила в литобъединение при редакции этой газеты и печаталась. Потом окончу техникум в 1971 году, начну работать, выйду замуж в 1972 году, в 1973 году у нас родится дочь Надя. В 1974 году мы разойдёмся с мужем. Мне будет не до этого. А в 1975 году мы со вторым мужем переедем в Красноярск. В 1977 году родится дочь Тоня.

Продолжение следует